

ДАНИЭЛА СТИЛ

Влюбленные забывают
о времени, но время не способно
забыть любовь.

СМЯТЕНИЕ

Горький мед

Даниэла Стил

Смятение

«ЭКСМО»

1999

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Стил Д.

Смятение / Д. Стил — «Эксмо», 1999 — (Горький мед)

ISBN 978-5-04-097848-9

В прошлом Глэдис была известной фотожурналисткой, а сейчас ее главными заботами стали дом и четверо детей. Она мечтает вернуться к любимой работе, однако муж отказывается поддержать ее решение и уходит из семьи. И в этот тяжелый момент Глэдис знакомится с недавно овдовевшим миллионером Полом Уордом. Их бурный роман продолжается неделю, а затем Пол решает, что предал память любимой женщины, и расстается с Глэдис. Она уверена — им не суждено быть вместе. Но однажды к ее причалу подходит его роскошная яхта. О любви и надеждах Глэдис, о встрече с удивительным человеком, полностью изменившим ее жизнь, читайте в романе «Горький мед».

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-097848-9

© Стил Д., 1999

© Эксмо, 1999

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	16
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Даниэла Стил

Смятение

© Гришечкин В., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Пролог

Когда-то для Глэдис главным в жизни была фотография. Ее увлечение было сродни привычке наркомана к сильнодействующему наркотику. Такое пристрастие она унаследовала от отца, который погиб в Дангане, когда ей было пятнадцать, – через год после того как он получил Пулитцеровскую премию за серию вьетнамских репортажей.

И все же после замужества ей пришлось расстаться с любимым делом. Однако у Глэдис не было ни малейшего сомнения, что ее жизнь с Дугом и есть то самое, о чем может мечтать любая женщина. Она не предавала и не бросала свое дело, просто променяла на нечто совершенно другое, не менее ценное. Любовь мужа – разве этого не достаточно?

Так было до недавнего времени, пока не подросли дети и ее вновь не потянуло к любимому делу. Однако муж категорически не желал слышать о ее возвращении в профессиональную журналистику. Ее жизнь стала разваливаться буквально на глазах.

Встреча с удивительным человеком, миллионером Полом Уордом, хорошо знавшим на личном опыте, как опасно подрезать крылья женщине, помогла Глэдис иначе взглянуть на свои проблемы. Этому человеку она могла доверять – Глэдис чувствовала это всем сердцем и всей душой. Один день, проведенный вместе с сыном у него на яхте, сумел изменить всю ее жизнь. Пол вернул ей решимость добиваться своего, а для Глэдис это означало свободу. Она принимает предложение своего агента и едет по заданию в Лондон.

Глава 1

В лондонском аэропорту Хитроу Глэдис встречал роскошный лимузин, который должен был доставить ее прямо в Королевскую морскую академию. Кофр с аппаратурой и небольшой чемодан с одеждой были у Глэдис с собой. Чтобы не терять времени, она переделалась прямо в машине, благо заднее сиденье отделялось от водительского места непрозрачной перегородкой. Приведя в порядок прическу, Глэдис посмотрела на себя в зеркало и осталась весьма довольна. Конечно, она здесь не для того, чтобы блистать красотой, а для того, чтобы работать, но все же, все же! Она собиралась приложить максимум усилий, чтобы блестяще справиться с обоими заданиями – слишком многое поставлено на карту.

У ворот Королевской морской академии в Гринвиче стояли на посту курсанты в парадной форме со старинными мушкетами в руках. Вид у них был очень живописный – впрочем, как и у самого здания, построенного в 1779 году и окруженного безупречными газонами.

Сделав несколько общих планов, Глэдис поспешила внутрь. Около четырехсот человек танцевали, смеялись или переговаривались. Глэдис защелкала затвором. Вот в объективе принц Чарльз, вот королева Норвегии, президент Франции. Теперь несколько кронпринцев из европейских домов и, наконец, сама королева Елизавета, беседовавшая с президентом США и его женой – первой леди.

У Глэдис с непривычки захватило дух. Однако вскоре она освоилась и стала незаметно переходить от одной группы гостей к другой, непрерывно снимая. Когда в два часа ночи прием завершился, Глэдис уже знала, что справилась. Правда, несколько дюжин отснятых кассет, которые лежали в ее кофре, предстояло еще проявить и отсмотреть, но шестое чувство подсказывало Глэдис, что репортаж о первом дне королевской свадьбы удался.

Тот же лимузин доставил ее в отель «Клэридж», где Рауль забронировал для нее номер. Едва только она переступила порог комнаты, ноги у нее едва не подкосились, и она вынуждена была опуститься на краешек дивана. По нью-йоркскому времени было только половина девятого вечера, однако перелет через Атлантику и несколько часов работы (а пока шел прием, она ни разу не присела) сделали свое дело: Глэдис чувствовала себя выжатой как лимон.

Впрочем, это ощущение было ей очень хорошо знакомо. Когда-то давно, когда Глэдис работала в «горячих точках» и носила не бархатные юбки и блузки, а грубый камуфляж и солдатские ботинки, к вечеру она обычно так же валилась с ног, и справляться с усталостью ей помогало ощущение, что день прошел не зря. Вот и сегодня: Глэдис чувствовала, что фотографии удались. Но главное – она снова работала, снова занималась любимым делом!

С этими мыслями Глэдис наконец уснула. Разбудил ее пронзительный телефонный звонок.

«Кто бы это мог быть? – сонно подумала она, пытаясь на ощупь найти телефон. – И в такую рань?..»

Впрочем, как выяснилось, по местному времени было уже почти десять утра. Будильника, заведенного на восемь, Глэдис не услышала. Вот это да! Ведь в двенадцать ей снова надо быть в Морской академии.

– Алло? – сказала она в трубку, подавляя зевоту и потягиваясь. – Кто это?

– Мне казалось, ты приехала в Лондон работать, а не спать, – услышала она в трубке мужской голос.

– Я и работаю. Кто это?! – Глэдис не сразу узнала голос. На мгновение ей показалось, что это Рауль, но уже в следующую секунду она поняла, кто звонит, и удивилась еще больше. – Пол, это ты? Спасибо, что разбудил – я едва не проспала. А как ты узнал, где я остановилась? – машинально спросила она, но тут же вспомнила, что сама рассказывала Полу о предстоящей поездке и о том, что Рауль снял для нее номер в «Клэридже».

– Ну, склерозом я пока не страдаю, – рассмеялся Пол. – Как у тебя дела?

– Отлично, Пол, просто отлично! Я действительно видела всех этих королей, принцев крови, наследников, президентов и прочих и сделала уйму отличных фотографий. Да еще пленок пять потратила на сам зал. Он просто великолепен – ничего красивее я в жизни не видела!

– Это в Королевской академии? – уточнил Пол. – Действительно, там очень красиво. Цветной зал, так, кажется, его называют. Мы с Селиной один раз там были – нас приглашал на собственную свадьбу английский писатель Патрик О'Брайен. Кстати, я очень люблю его книги...

– А как твои дела, Пол? – поспешно спросила Глэдис, стараясь отвлечь его от мыслей о Селине. – Ты все еще в Турции?

– Пока да. Но наверное, уже завтра мы поедем в Италию.

– А в Лондон ты случайно не собираешься?

Это был не намек и не просьба. Задавая этот вопрос, Глэдис была уверена, что Пол поймет ее правильно, как понимал всегда. Он не станет ловить ее на слове или искать скрытый смысл там, где его не было. И Пол ее не разочаровал. Или почти не разочаровал.

– Нет, – сказал он честно. – Мне хотелось бы увидеть тебя, но... Мы с Селиной слишком часто бывали в Лондоне. Кроме того, у тебя, наверное, не так уж много свободного времени. Даже для старых друзей...

Глэдис вздохнула. Пол был прав – ее расписание было слишком напряженным, чтобы она могла выкроить хотя бы час.

– Если серьезно, – продолжал тем временем Пол, – то я просто боюсь возвращаться в цивилизованный мир. На яхте мне гораздо спокойнее и... легче.

– Я понимаю, – негромко сказала Глэдис. – Не спеши, дай себе еще немного времени. В конце концов «Морская звезда» вылечит тебя.

– Ну а как дети пережили твой отъезд? – спросил Пол, и Глэдис почувствовала, что он не прочь перевести разговор на другое.

– Прекрасно, – с готовностью ответила она. – Правда, Эйми просила меня взять у принца Чарльза автограф, но я думаю, что это была шутка. Эйми скоро двенадцать, и она все отлично понимает. В отличие от Дуга, который вообще перестал со мной разговаривать. Боюсь, он еще припомнит мне эту поездку.

– Что он может сделать? – спросил Пол, и в его голосе ясно прозвучало осуждение, которое он не сумел скрыть.

– Фигурально выражаясь, он может выгнать меня на улицу, – ответила Глэдис серьезно. – Или уйти сам.

– Ну и глупо! – Пол понимал, что эта проблема очень беспокоит Глэдис, поэтому он добавил: – Впрочем, я думаю, он просто тебя пугает.

– Может быть, – согласилась Глэдис, но как-то не очень уверенно. – Извини, Пол, мне пора одеваться, иначе я опоздаю.

– Что у тебя сегодня? – с интересом спросил Пол.

– Торжественный обед. Его дает во дворце Сент-Джеймс принц Чарльз.

– Это должно быть очень занятно, – сказал он. – И может быть, тебе как раз представится возможность взять у него автограф. Тебе принц Чарльз не откажет.

Он негромко рассмеялся, потом спросил серьезно:

– Как ты думаешь, сможешь позвонить мне вечером, когда все закончится?

– Попробую. Боюсь только, что вернусь очень поздно – вечером у меня еще одно мероприятие. Видишь, какую жизнь я теперь веду? Обедаю я с принцем Чарльзом, а ужинаю, кажется, с принцессой Софией.

– Трудно тебе, – посочувствовал Пол. – Хуже, чем на войне.

Он поддразнивал ее, но за этим чувствовались искренние интерес и беспокойство.

– Ладно, я позвоню, – пообещала она. – Ведь теперь мы в одном часовом поясе.

– Да, – подтвердил Пол, – почти.

На этом разговор закончился. Глэдис положила трубку и, подойдя к окну, посмотрела вниз на оживленную Брук-стрит. Это была очень красивая, очень аккуратная и очень английская улица, и Глэдис почувствовала себя почти счастливой. Лондон всегда ей нравился – это был ее самый любимый город после Парижа. Она решила купить перед отъездом как можно больше открыток и сувениров. Кроме того, у нее ведь был фотоаппарат, так что Глэдис сама могла снимать все, что ей понравится.

Но пора было собираться. Бросив быстрый взгляд на часы, Глэдис поспешила в ванную комнату.

До самого вечера она опять фотографировала. Казалось, любимая работа вполне заменяет ей и отдых, и еду. Глэдис невольно подумала, что давно уже не проводила время так приятно и содержательно.

О годах, на протяжении которых она была отлучена от фотографии, ей напомнила встреча с человеком, с которым Глэдис работала в Кении лет двадцать тому назад. Это был веселый огненно-рыжий ирландец по имени Джон О'Малли. Он сразу узнал ее и пригласил зайти после приема в один из ближайших пабов.

– Послушай, куда ты провалилась? – спросил он, когда Глэдис села за столик, облокотившись на столешницу некрашеного дуба. – Я, грешным делом, думал, что тебя наконец-то подстрелили – ты всегда хваталась за самые головоломные задания. Где ты пропадала все это время?

– Все очень просто, Джон, – ответила Глэдис. – Я вышла замуж и родила четверых детей. Теперь у меня два мальчика и две девочки.

– Так какого же черта ты снова взялась за старое?! – воскликнул Джон.

Глэдис пожала плечами:

– Откровенно говоря, я соскучилась по работе.

– Я всегда знал, что ты ненормальная, – заявил Джон, заказывая двойной виски.

На сегодня он закончил съемки и мог позволить себе расслабиться. Глэдис же предстоял еще один прием, поэтому она потягивала легкий эль, закусывая подсолненным миндалем..

– Нет, серьезно! – добавил он, увидев, что Глэдис улыбается. – Я всегда считал, что для нас, бродяг, не может быть ничего лучше, чем уйти на покой и завести ребятишек, пока нас действительно не подстрелили. Правда, сейчас не так опасно, как бывало, но всегда остается шанс, что кто-нибудь из наследных принцев напьется и разобьет тебе голову бутылкой. Кроме того, есть еще горячие парни из ИРА – их хлебом не корми, дай кого-нибудь взорвать. Иногда мне бывает стыдно, что они тоже ирландцы...

Они заговорили о взрыве самолета в сентябре. Глэдис упомянула, что в этой катастрофе погибла ее знакомая.

– Это позор, Глэдис, вот что я тебе скажу! – разгорячился О'Малли. – Я просто ненавижу такие истории, особенно если гибнут дети. Можно убивать солдат, можно разбомбить ракетный завод, но нельзя трогать детей! Эти сволочи-террористы никогда об этом не думают!

Глэдис сочувственно кивнула головой.

– Ничего, не обращай на меня внимания, – сказал Джон, заметив ее взгляд. – После второго стакана виски я всегда завожусь и начинаю говорить о человеческой жестокости. После третьего меня посещает романтическое настроение, и тогда – берегись!

Он широко улыбнулся, и Глэдис почувствовала, как у нее потеплело на душе. За те двадцать лет, что они не виделись, Джон О'Малли несколько не изменился, разве что лицо его стало еще более красным, да в огненно-рыжей шевелюре появились серебряные нити. Разговаривать с ним, во всяком случае, было по-прежнему приятно.

Но через полчаса им пришлось расстаться. Вечер Глэдис отработала как по нотам. Огромный обеденный зал, освещенный свечами в бронзовых канделябрах, лакеи в напудренных париках и ливреях, старинный фарфор и начищенное до блеска столовое серебро должны были отлично смотреться на снимках, создавая нужное настроение.

Впрочем, в глубине души Глэдис была рада, что это последний прием перед бракосочетанием. Не то чтобы ей надоело снимать высшую аристократию Европы и мира – просто Глэдис не терпелось взяться за ту, другую историю.

Вернувшись в отель, она позвонила домой. Джессика, которая взяла трубку, сказала, что они как раз собираются ужинать. Глэдис поговорила с каждым из детей и с облегчением узнала, что они чувствуют себя прекрасно. Вчера они побывали в парке аттракционов, а днем раньше Дуг водил всех на каток. Глэдис захотела поблагодарить мужа за это, но Дуг передал через Джессику, что не может подойти. Настроение у Глэдис снова упало. Повесив трубку, она почувствовала себя так одиноко, что, почти не отдавая себе в этом отчета, набрала номер телефона Пола.

Глэдис надеялась, что он не спит, и Пол действительно еще не ложился. Она рассказала ему о сегодняшних приемах, описала всех, кто на них присутствовал, и поразилась тому, что с большинством Пол знаком лично.

– На какой час назначено завтрашнее бракосочетание? – спросил он наконец.

– На пять, – ответила Глэдис.

– А что ты собираешься делать до этого времени?

– Спать. – Глэдис усмехнулась. – Вообще-то я еще планировала зайти в полицию – уточнить насчет той, второй работы...

Пол знал и об этом задании Глэдис.

– Похоже, ты зря времени не теряешь, – заметил Пол. «Как и Селина», – подумал он про себя, но вслух ничего не сказал. – Позвони мне завтра, расскажешь, как прошла свадьба и кто из наследных принцев напился и уснул лицом в салате, – попросил он, и Глэдис рассмеялась.

– Конечно. Ведь все они – твои близкие знакомые!

– Звони в любое время: даже если я буду не на вахте, спать я все равно не буду, – добавил Пол, и Глэдис улыбнулась.

К этому времени она уже поняла, что Пол ведет сейчас преимущественно ночной образ жизни. Главной причиной этого была боязнь вернуться в привычный мир и обнаружить, что там нет Селины. Лишь наедине с ночным мраком и пустынным океаном он забывался. Тогда терзавшие его боль и тоска немного отступали.

Глэдис прекрасно это понимала, поэтому она сказала тихо:

– Ничего, Пол, ничего... Когда-нибудь ты вернешься.

– Наверное, – грустно согласился он. – Но пока мне очень трудно себе представить, как я буду жить без нее. Проще всего было бы начать жить заново, но для этого я, наверное, слишком стар.

Ему было не так уж много лет, но Глэдис понимала, что, раз он так говорит, значит, так он и чувствует. По крайней мере – пока... И как ни парадоксально это звучало, помочь избавиться от этой слабости ему могло только время.

– Похоже, мы с тобой поменялись ролями, – сказала она со смехом. – Сначала ты уговаривал меня, что вернуться в фотожурналистику мне несколько не поздно, теперь то же самое делаю я. Начать жизнь заново можно всегда.

Пол был на четырнадцать лет старше Глэдис, однако ни он, ни она не замечали этой разницы. Они чувствовали себя братом и сестрой, но иногда Глэдис ощущала, как ее словно пронзает слабый электрический разряд. Она испытала это еще при первой встрече с Полом. Как ей казалось, он тоже почувствовал нечто подобное. Но это ничего не значило. Пол продолжал хранить верность Селине, к тому же Глэдис знала: он все еще чувствует себя виноватым.

тым за то, что не погиб вместе с ней. Во всяком случае, никакого разумного, рационального объяснения тому, почему ему суждено было пережить Селину, Пол найти не мог, как ни старался. Общих детей у них не было, его собственный сын давно вырос, да и внукам тоже жилось неплохо. Иными словами, он не чувствовал себя нужным кому-то. Об этом он без обиняков заявил Глэдис.

– Ты нужен мне, Пол, – негромко ответила она.

– Да нет, это тебе кажется! – Пол разразился каким-то неестественным смехом. – Ты отыскала свой путь и теперь пойдешь по нему все вперед и вперед. Ни помощники, ни проводники больше тебе не нужны.

– Хотела бы я быть так же уверена в этом, как ты, – сказала Глэдис. – Когда я уезжала, Дуг не хотел со мной даже разговаривать. Честно говоря, не знаю, что будет, когда я вернусь в Уэстпорт. Боюсь, что за эти несколько дней мне придется долго-долго расплачиваться.

– Возможно, ты права, но стоит ли сейчас думать об этом. Насколько я понимаю, у тебя еще много дел в Лондоне. Перестань изводить себя домыслами.

– Ну ладно, Пол, поговорим завтра, – попрощалась Глэдис и положила трубку.

Сидя в темной спальне, она думала о том, как легко ей общаться с Полом. Право же, можно было подумать, что они знают друг друга всю жизнь, а не какие-то жалкие пять месяцев. Впрочем, удивляться особенно не приходилось. За это время каждый из них прошел долгий нелегкий путь, и они немало пережили вместе.

Глэдис уже лежала в постели, когда телефон зазвонил вновь.

– Ты не спала? – спросил Пол осторожно.

– Нет, – ответила Глэдис. – Я просто лежала в темноте и думала о... о тебе.

– Я тоже думал о тебе, Глэдис, и мне захотелось, чтобы ты знала, как я восхищаюсь тобой... тем, что ты сделала.

Он действительно позвонил только затем, чтобы сказать ей это, и Глэдис просияла. Как она нуждалась именно в таком отношении к себе.

– Спасибо, – сказала она. – Твое мнение много для меня значит.

«И ты – тоже», – хотелось ей добавить, но она промолчала.

– Ты – удивительная женщина, – голос Пола неожиданно дрогнул. – Удивительная... Без тебя я бы, наверное, не смог пережить все это.

– Я тоже... – шепотом сказала Глэдис.

– Когда-нибудь, где-нибудь, как-нибудь мы непременно встретимся, Глэдис... Я обязательно вернусь, просто я пока не знаю – когда...

– Пусть тебя это не беспокоит, Пол. Делай что должен. Все образуется само собой.

– Спокойной ночи, Глэдис, – негромко сказал он и дал отбой.

Глэдис тоже положила трубку и закрыла глаза. Она уснула почти мгновенно, но губы ее еще долго продолжали улыбаться.

Глава 2

Свадьба членов королевской семьи была событием по-настоящему грандиозным. Большой торжественности трудно было себе представить. Глэдис снимала столько, что в конце концов у нее с непривычки заболели руки, однако, даже не проявляя пленок, она могла сказать – снимки вышли превосходные.

Особенно много она фотографировала невесту, которая была просто обворожительна в сказочном белом платье от Диора с длиннейшим шлейфом. Интерьер собора Святого Павла, где совершалась вся церемония, как нельзя более соответствовал происходящему, и Глэдис несколько раз подумала о том, что детям – особенно девочкам – тоже будет интересно взглянуть на снимки. Быть может, рассуждала она, так они скорее поймут, что их матери есть чем гордиться.

После венчания состоялся прием в Букингемском дворце, однако он продолжался совсем недолго, и впервые за последние три дня Глэдис относительно рано вернулась в отель. Вечером она позвонила домой, но снова разговаривала только с детьми. Когда же она попросила позвать Дуга, Джессика ответила, что он куда-то вышел. Глэдис не очень-то в это верилось.

Повесив трубку, она сразу позвонила Полу.

– Ну, как тебе понравилось на королевской свадьбе? – сразу спросил он.

– Невероятно! Неправдоподобно! Сказочно! – воскликнула Глэдис, не в силах скрыть свой восторг. – Ничего подобного я еще никогда не видела. Мне очень повезло, Пол. О такой возможности каждый фотограф может только мечтать. Интересно, во сколько обошлась эта свадьба британской казне?

– Наверное, в несколько миллионов, – небрежно сказал он и неожиданно рассмеялся: – Знаешь, мы с Селиной зарегистрировали наш брак в нью-йоркской мэрии, потом купили на улице по пирожку с сосисками, а ночь провели в «Плазе». Конечно, это несколько странно, но мы были довольны. Особенно я, ведь Селина так долго не хотела выходить за меня замуж, что я почти отчаялся. И когда она вдруг сказала: «Ладно, давай попробуем», я не стал терять времени, пока она не передумала. Всю нашу первую брачную ночь Селина перечисляла мне, что она не будет для меня делать. Смешно, право, но большинство своих обещаний она сдержала...

– Знаешь, – сказала Глэдис негромко, – сегодня, глядя на невесту, я все думала, как сложится жизнь у этой пары. Выйдет ли у них что-нибудь хорошее, или они будут разочарованы... После такой свадьбы, как сегодняшняя, было бы обидно потерпеть крушение.

– Ну, – заметил он, – у нас-то с Селиной все получилось, хотя наш свадебный обед состоял из сосисок в тесте, а брачную ночь мы провели в отеле, и даже не в самом лучшем.

– Вы с Селиной справились лучше, чем многие, – печально сказала Глэдис.

Чужие свадьбы всегда заставляли ее испытывать что-то вроде ностальгии, а в последнее время – в особенности.

Они помолчали. Наконец Глэдис спросила:

– А как прошел твой день? Как погода? Ветер был попутный?

Говоря это, она улыбнулась. Глэдис прекрасно помнила, что хорошей погоде Пол предпочитает штормы и ураганы.

– Ветер был неплохой. Около четырех баллов, – ответил Пол. – Кстати, давно хотел тебя спросить: как твое второе задание? Ты уже была в полиции?

– Да, два часа беседовала с детективом, который ведет это дело, – ответила она. – И узнала такие подробности, от которых у меня буквально волосы дыбом встали... Представляешь, некоторые родители – в основном из цветных семей – продают своих дочерей в рабство. В буквальном смысле! С восьми лет девочки уже становятся проститутками. И нет никакой надежды вырваться – они продолжают «работать» до тех пор, пока не погибнут.

– Это же настоящий кошмар! – воскликнул Пол.

– Да, – просто сказала Глэдис. – И мне даже страшно подумать, что придется все это снимать...

– Тебя пригласили участвовать в рейде? – спросил Пол, не скрывая своей тревоги. – Это не опасно?

– Опасность, конечно, есть, – честно ответила Глэдис, машинально отметив про себя, что Дугу она ни за что бы этого не сказала. Муж вообще ничего не знал об этом ее задании. – Но это, как говорится, профессиональный риск. Не беспокойся, лондонская полиция хорошо подготовилась к операции. Я думаю, на самом деле мне ничто не угрожает.

– Надеюсь, что так, – сдержанно сказал Пол.

Он безумно волновался за Глэдис, однако не позволял себе вмешиваться ни в ее работу, ни – если уж на то пошло – в ее жизнь. Но мысль о том, что все может случиться, буквально сводила его с ума.

Глэдис поняла это.

– Нет, правда, Пол, я совершенно уверена, что волноваться не стоит. Полицейский, с которым я разговаривала, сказал мне, что они будут предельно осторожны из-за детей, – попыталась она поправить дело, но Пол пробурчал в ответ что-то неразборчивое.

Потом они заговорили о вещах более приятных или, по крайней мере, не внушающих особой тревоги. Пол рассказал, что собирается идти на яхте в Венецию. Ему всегда нравился этот город, но еще ни разу он не приходил туда на «Морской звезде». Незаметно разговор перекинулся на Лондон. Пол по-прежнему не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы приехать в город, где так часто бывал с Селиной. Да и Глэдис предстояло вскоре возвращаться домой. С завтрашнего дня она начинала работать с полицией.

Взяв папку с дополнительными материалами по делу, Глэдис полистала ее и отложила в сторону. При мысли о том, что девочки, еще моложе ее Эйми, становятся рабынями, вынужденными обслуживать богатых негодяев, у нее внутри все переворачивалось.

Весь следующий день Глэдис просидела в полицейском управлении. Вернувшись в отель, она обнаружила два послания. «Мы ужасно тебя любим, мамочка, мы пошли в кино», – гласило одно. Второе было от Пола. Он просил Глэдис перезвонить, но когда она связалась с ним, Пол сказал, что не может сейчас разговаривать. Странно, но она нисколько не обиделась. Не может, значит, что-то случилось и скоро все обязательно кончится. Она испытывала к Полу доверие, почти безграничное.

Он позвонил ей на следующий день утром и сразу начал с извинений:

– Мне очень жаль, Глэдис, но вчера у нас тут разыгрался небольшой шторм, – сказал он, но по его голосу было ясно, что на самом деле Пол очень доволен. «Я люблю сражаться со стихией, – говорил он ей однажды. – Пожалуй, это единственное, с чем мне не всегда удастся справиться».

– Ничего страшного, я все понимаю, – ответила Глэдис и рассказала, что операция назначена на сегодняшнюю ночь.

– Я буду беспокоиться за тебя, – сказал Пол. – Будь осторожна, обещаешь?

– Обещаю! – рассмеялась Глэдис. – Не волнуйся, Пол, пожалуйста. Ко мне приставили специального полицейского, который будет меня охранять. Я вчера его видела – это настоящий гигант! Говорят, что он – один из лучших спортсменов во всей английской полиции.

– Что ж, это несколько меняет дело, – обрадовался Пол. Надо сказать, еще три дня назад он связался с начальником лондонской полиции, с которым был неплохо знаком, и попросил его принять все возможные меры предосторожности. – И все-таки не суйся в самое пекло, ладно?

– Конечно, – согласилась Глэдис, думая о том, как странно складываются их отношения.

Они никогда не говорили о любви, а между тем Пол иногда разговаривал с ней так, словно он был ее мужем. Возможно, он делал это просто по привычке – так, во всяком случае, считала Глэдис. Пол тосковал по Селине. Их разговоры были чисто дружескими, и в них не было ничего такого, что указывало бы на возможность иных отношений.

– Позвонишь мне, когда все закончится? – спросил Пол.

– Постараюсь, только я не знаю, когда это будет. Если все пройдет, как планировалось, то часам к трем утра должны успеть. Если же нет...

– Будем надеяться, что ничего непредвиденного не случится, – быстро сказал Пол.

Они распрощались, и Глэдис, поглядев на часы, со всех ног помчалась в универмаг «Хэмли» купить подарки детям.

Попросив, чтобы покупки переслали ей в отель, Глэдис отправилась в полицию. В полицейском управлении она выслушала подробный инструктаж и получила пуленепробиваемый жилет. Поздно вечером все участники операции отправились в полицейский участок в Вест-Энде, откуда было рукой подать до Уилтон-Креснт-роуд – фешенебельной улицы, где в одном из особняков и содержались малолетние проститутки. Ровно в полночь операция началась. Штурмовая группа, взломав двери, ворвалась в особняк. Глэдис со своим телохранителем вбежали следом за ними.

То, что Глэдис увидела внутри, невозможно было описать словами. Она, крепко стиснув зубы, нажимала и нажимала на кнопку, перезаряжала кассеты и снова снимала. Восьми-, девяти- и десятилетние девочки были прикованы цепями к стенам или привязаны к кроватям. Их тела, едва прикрытые изорванным в клочья шелковым бельем, были покрыты синяками, ссадинами и следами ожогов от сигарет. Многие из них были накачаны наркотиками и дрожали, словно от холода, хотя в комнатах оказалось довольно тепло. В основном девочки были из Юго-Восточной Азии или из Индии, в одной из комнат Глэдис наткнулась на трех очаровательных мулаток, которые, несмотря на свой юный возраст, выглядели вполне сложившимися женщинами. По-английски они почти не говорили.

Полиции удалось задержать всех клиентов. Среди этих респектабельных подонков оказался один член парламента, который, как впоследствии сказал Глэдис один из инспекторов, наверняка ушел бы от ответственности, если бы она не сфотографировала его «со спущенными штанами» – и в буквальном, и в переносном смысле. Удалось снять и хозяев притона. Трое мужчин и одна женщина заправляли здесь всем и получали значительную прибыль от торговли детьми. Возможно, где-то у них были высокие покровители, но Глэдис не сомневалась, что им тоже не поздоровится. Сотни кадров, несколько десятков пленок лежали у нее в сумке. Этот материал обладал убийственной силой, и это был ее вклад в спасение этих девочек, в спасение будущих жертв, которых теперь благодаря и ей тоже, может быть, не будет.

Когда полицейские стали выводить девочек, чтобы отправить их в больницы и детские приюты, она сама вынесла на улицу и посадила в «Скорую помощь» восьмилетнюю китаянку, сплошь исхлестанную кнутом. Полиция вырвала ее из объятий мерзавца, который только что кончил заниматься с ней извращенным сексом. Глэдис, которая оказалась свидетельницей этого кошмара, едва не треснула подонка своим фотоаппаратом. К счастью, приставленный к ней телохранитель успел вовремя схватить ее за руку и напомнить, что этого ни в коем случае нельзя делать.

Вернувшись под утро в отель, Глэдис первым делом позвонила Полу.

– Ну что?! – в тревоге воскликнул он, как только услышал ее голос. – С тобой все в порядке?

– Д-да, – неуверенно ответила Глэдис. – Я жива-здорова, – добавила она поспешно, так как Пол в трубке издал какое-то восклицание. – Ты только не волнуйся, Пол, но... я не могу даже рассказать тебе, что я увидела этой ночью! И боюсь, что этого мне никогда не забыть.

– Я понимаю. Это, наверное, было ужасно...

– Непередаваемо ужасно. Я видела одну девочку... У нее на теле были следы самых настоящих пыток. Представляешь, она еще моложе Сэма, но ее били кнутом, прижигали грудь сигаретами!

Пол громко скрипнул зубами. Ему казалось, что подобное зрелище – не для ее глаз, но он считал, что не имеет права указывать ей, что и как делать. Единственное, что мог Пол, – это просить Глэдис побережь себя. И надеяться, что все обойдется.

– Тебе, наверное, стоит поспать, – предложил он. – Ты ужасно устала.

– Конечно. Но я вряд ли засну. Пожалуй, лучше приму душ и пойду поброжу по улицам – может, сумею прийти в себя.

– Хорошо, – сказал Пол и тяжело вздохнул. – Тебе здорово досталось?..

– Да нет, не сказала бы, – ответила Глэдис, стараясь говорить как можно бодрее. – Кто-то ведь должен был это сделать?

В конце концов Пол велел ей принять горячую ванну, погулять по Лондону и постараться немного поспать перед обедом. По его мнению, это было лучшее, что Глэдис могла предпринять, чтобы поскорее успокоиться. Взяв с Глэдис слово, что вечером она снова позвонит ему, Пол дал отбой и вышел на палубу. Стоя у самого борта, он долго смотрел на море, блестящее в лучах солнца.

Он думал о Глэдис. Она во всем была не похожа на Селину, однако было нечто, объединяющее этих двух женщин. И теперь он, кажется, понял, что это. Глэдис обладала такой же внутренней силой и душевной чистотой. Подчас Пола это даже пугало. Вместе с тем его тянуло к ней, но он старался об этом не думать, как не задумывался и о том, что будет с ними дальше. Он так привык говорить с ней, что уже не представлял, как он сможет прожить хотя бы один день без того, чтобы не снять трубку и не позвонить ей. Ее негромкий, успокаивающий, мягкий голос оставался для него единственным ориентиром в мире, погрузившемся во мрак в тот самый миг, когда Пол узнал о гибели самолета, на котором летела его жена.

Примерно о том же самом думала и Глэдис. Лежа в огромной мраморной ванне, она старалась представить себе, как она сможет обходиться без ежедневных разговоров с Полом, когда вернется в Уэстпорт. Даже если они будут перезваниваться в отсутствие Дуга, в конце концов он все равно увидит счета от телефонных компаний и начнет допытываться, с кем это она разговаривала. Что она тогда ему скажет?

Почему ей так нужны эти ежедневные беседы? Всего за неделю она пристрастилась к ним, словно наркоман к наркотику. Непостижимо! Однако факт оставался фактом: жить без этого она уже не могла, да и не хотела. Они с Полом были нужны друг другу гораздо больше, чем каждый из них готов был признать даже самому себе. Бесспорно было одно: несмотря на разделявшее их расстояние – расстояние, измерявшееся не только милями, но и годами, вместившими множество самых разных событий и самый разный жизненный опыт, – оба они потихоньку двигались навстречу друг другу.

«И что потом?..» – спросила себя Глэдис, закрывая глаза.

Пол, все еще стоявший на палубе своей яхты, пожал плечами и, засунув руки в карманы, спустился к себе в каюту, задаваясь тем же вопросом.

Глава 3

Дела отняли у Глэдис гораздо больше времени, чем она рассчитывала, так что домой она сумела вылететь только в пятницу. Когда в четверть шестого вечера она вошла в свой собственный дом, дети сидели на кухне и пили чай, перебрасываясь шуточками. Пес терпеливо сидел возле стола, выжидая, не перепадет ли ему кусочек печенья, но, заслышав шаги Глэдис, сразу ринулся ей навстречу. Эйми, обернувшись, испустила восторженный вопль, и вся орава бросилась следом.

Приласкав собаку и целуя детей, Глэдис почувствовала себя так, словно никуда не уезжала. Поездка в Лондон казалась сном, репортажи, которые она сделала, потеряли всякую реальность, а дружба с Полом (накануне ее отъезда они пришли к выводу, что их отношения – просто дружба, и не больше) представлялась чем-то, не имеющим никакого отношения к ее повседневной жизни.

Только теперь Глэдис поняла, как она соскучилась. Целую неделю она была совершенно свободна, самостоятельна, независима, и эта жизнь ей очень нравилась. Но теперь ей самой уже было непонятно, как она могла променять эти милые мордашки на что-то постороннее.

– Как вы тут без меня? – спросила она, обнимая всех по очереди.

– Отлично, мам, просто отлично! – наперебой заговорили они и принялись вываливать ей последние новости.

Сэм забил победный гол во время одного из футбольных матчей, у Эйми выпал последний молочный зуб, Джейсону, наоборот, сняли с зубов скобки, а у Джессики появился новый поклонник «с настоящей бородой», как, хихикая, сказала Эйми, хотя Глэдис подозревала, что она, как всегда, преувеличивает. Впрочем, она была рада, что за время ее отсутствия не произошло ничего из ряда вон выходящего.

Минут через двадцать дети как ни в чем не бывало разошлись по своим комнатам, чтобы готовить уроки, звонить друзьям или смотреть телевизор, а Глэдис отправилась на кухню, чувствуя, что жизнь вошла в привычную колею.

Отпустив приходящую домработницу, Глэдис поставила вариться картошку, а сама поднялась в спальню, чтобы распаковать чемодан. Сидя на кровати и оглядываясь по сторонам, она думала о том, что за время ее отсутствия в доме ничто не изменилось. Ее маленький мир остался таким же, каким был, да и дети, похоже, перенесли ее отсутствие спокойно, и это заставило Глэдис испустить вздох облегчения. Поездка в Лондон уже казалась ей плодом собственной фантазии.

Но когда вернулся с работы Дуг, Лондон снова стал реальностью. Едва только Глэдис увидела лицо мужа, она сразу поняла, что грозы не миновать. Едва поздоровавшись с ней, он уклонился от поцелуя и прошел в ванную комнату. Там он долго мыл руки и переодевался. Наконец Дуг спустился в кухню и, сев за стол, принялся в мрачном молчании поглощать картофельное пюре с фасолью и тушеным мясом. На Глэдис он даже не смотрел.

– Ну, как съездила? – спросил он наконец, когда Глэдис подала кофе со сливками и черничным рулетом, купленным ею по дороге из аэропорта.

– Превосходно, – непринужденно ответила она и, налив кофе себе, стала рассказывать о свадьбе и о том, как она снимала королей, герцогов, премьер-министров и президента США с супругой.

– Ты передала ему от меня привет? – спросил Сэм, лукаво улыбаясь.

– Конечно, дорогой! – Глэдис улыбнулась в ответ. – Я передала ему от тебя привет, и президент сказал: «Передайте и вы привет моему другу Сэму».

При этих ее словах дети громко расхохотались. Только Дуг продолжал сидеть мрачнее тучи и молчать.

Его прорвало, когда они наконец поднялись в спальню.

– Ты, похоже, ужасно собой гордишься, – неприязненно сказал Дуг, убедившись, что Глэдис не обнаруживает ни малейших признаков раскаяния. Дугу было невдомек, что это спокойствие и уверенность в себе – подарок Пола Уорда. Глэдис теперь чувствовала себя другим человеком. Она действительно гордилась тем, что она совершила, однако у Дуга было такое мрачное лицо, что в конце концов Глэдис все же стало немного не по себе.

– Я прекрасно поработала, – сказала она негромко, но в ее голосе не было ни намека на извинение. В эти минуты Глэдис больше всего жалела о том, что не может разделить свой триумф с мужем. – Дети в отличном настроении, – добавила она.

Дети – это было теперь единственное, что их связывало. По крайней мере, так казалось Глэдис. Дуг не обнял и не поцеловал ее при встрече. Он был занят собственной недовольной персоной.

– Возможно, – согласился он. – Но только не благодаря тебе. Кстати, тебе не приходило в голову, что в конце концов ты можешь проделать с ними такую же штуку, какую проделал с тобой твой собственный отец? Я, например, думал об этом всю неделю, пока ты шаталась бог знает где. А ты? Ты хоть раз вздрогнула при мысли, что твои дети могут остаться сиротами?

– Неделя в Лондоне и полгода в Дананге – это совсем не одно и то же, – отрезала Глэдис. – Перестань делать из мухи слона, Дуг.

– Как известно, дети могут быть сиротами и при живой матери, – возразил он. – Кроме того, я не исключаю, что рано или поздно дело может обернуться самой настоящей трагедией. Куда ты отправишься теперь? В Пакистан? В Индонезию? На Балканы?

– Никуда. Пока никуда, – спокойно ответила Глэдис. – Можешь не волноваться – дети не пострадают. Я знаю, что делаю.

– В самом деле? – спросил Дуг, не скрывая язвительной иронии. – Может, в таком случае ты поделишься со мной своими планами?

– Я уже говорила тебе все это тысячу раз! Я собираюсь время от времени выполнять небольшие задания, не требующие длительного отсутствия и... не сопряженные с особенной опасностью.

Глэдис слегка запнулась, вспомнив вторую часть своей лондонской эпопеи. Пожалуй, хорошо, что Дуг о ней ничего не знает. Но, что ни говори, она обманывала Дуга.

– Так-так... – Дуглас покачал головой. – Значит, ты не хочешь заниматься как следует ни домом, ни работой. Стало быть, все дело в твоём непомерном тщеславии, которое ты стремишься утолить любыми способами!.. Ах, ах, как же моя фамилия не появится в журналах!

Он сказал это так, словно она была стриптизершей в ближайшем ночном клубе и мечтала попасть на страницы желтой прессы. Глэдис покраснела от возмущения.

– Послушай, Дуг, ты не понимаешь... При чем тут тщеславие? Мне нравится фотожурналистика, но это не мешает мне любить тебя и детей. Эти две вещи вовсе не исключают друг друга, скорее – наоборот...

– В твоём случае – исключают! – перебил Дуглас.

Он сказал это почти с угрозой, и Глэдис неожиданно рассердилась. Перелет из Лондона утомил ее, время приближалось к двум часам ночи, и ей ужасно хотелось спать. И все же она решила выяснить отношения до конца.

– Что это значит? – спросила она ледяным тоном. – Что ты хочешь сказать?

– Ты прекрасно знаешь – что. Я предупреждал тебя перед отъездом, но если ты забыла – могу повторить: в День благодарения все нормальные семьи собираются вместе за столом, но ты предпочла бросить нас и уехать, потому что тебе так захотелось!

– Я вовсе не «бросила» вас, как ты выражаешься. Во-первых, я заранее приготовила вам праздничный ужин, а во-вторых... Во-вторых, ничего страшного не произошло, ведь так? Кроме того, я не понимаю, почему у меня не может быть своих дел? Помнишь, летом ты не мог

приезжать в Харвич по выходным, потому что ты работал? Вот и я работала, кстати, впервые за семнадцать лет. И не моя вина, что мне пришлось пропустить один День благодарения. Дети, по-моему, прекрасно это пережили, и я не понимаю, почему ты делаешь из этого трагедию!

– Потому что я не могу спокойно смотреть, как ты разрушаешь нашу семью, – упрямо твердил Дуг. – Ты права – мне действительно приходится много работать, поэтому, когда я дома, ты должна быть со мной, со своей семьей, а не бог весть где!

– Если ты думаешь, что твои интересы мне безразличны, это не так. Я не понимаю только, с чего ты решил, будто только твои интересы и твои желания имеют значение? Почему весь мир должен вращаться исключительно вокруг тебя? Почему все мы должны делать только то, что ты хочешь и что ты скажешь? – Тут Глэдис подумала, что именно в этом и заключается суть происшедших с ними перемен. Она осознала себя личностью, обладающей собственной волей, собственными желаниями и интересами, а Дуглас никак не хотел этого признавать. – Неужели ты не замечаешь очевидного? – спросила она. – Меня не было целую неделю, но никто из детей не умер, не заболел и не превратился в малолетнего преступника! И даже если вам пришлось немного поскучать, то почему бы и нет? Ведь эта поездка пошла мне на пользу – неужели ты не видишь этого, Дуг?!

Она все еще пыталась докричаться до него, но все было напрасно.

– Я вижу только, что ты собираешься продолжать в том же духе. И меня это не устраивает, – сказал он хмуро. – Или ты будешь вести себя как все нормальные жены и матери, или...

В его голосе снова прозвучала угроза. Дуглас хотел держать ее, как прежде, на коротком поводке, но Глэдис не собиралась позволять ему и дальше командовать собой. Не слепое подчинение, а любовь – вот что было ей нужно, но Дуг никак не хотел ей этого дать. Или просто не мог.

– Очень жаль, что ты придаешь этому такое большое значение, – сказала она, пожимая плечами. – На твоём месте я бы оставила все как есть и посмотрела, что из этого выйдет.

В эту ночь они ни о чем больше не разговаривали. Когда Глэдис приняла душ и вернулась в спальню, Дуг уже спал, и она быстро легла рядом.

Но ей не спалось. Ворочаясь с боку на бок, Глэдис думала о Поле. Ей хотелось позвонить ему, но это было, разумеется, невозможно, и она стала представлять себе, как он плывет по Средиземному морю и, стоя на мостике, вглядывается в даль. Уже засыпая, Глэдис на мгновение представила рядом с ним себя. Мечта, несбыточная мечта. В ее жизни Пол, скорее всего, навсегда останется далеким голосом в телефонной трубке.

Потом все пошло по накатанной колее. Глэдис была так занята, что почти не разговаривала с Дугом. Он, впрочем, и сам не особенно к этому стремился. В воскресенье Глэдис повезла Сэма на футбол. На стадионе она немного поболтала с Мэйбл, потом отвезла Сэма домой и, сложив в кофр отснятые в Лондоне пленки, отправилась к Раулю. Они вместе пообедали. Рауль был в восторге. Он назвал репортаж о детской проституции «настоящей бомбой» и пообещал, что займется им в первую очередь.

На обратном пути Глэдис остановилась на бензозаправочной станции. Номер спутникового телефона Пола она знала наизусть, а в кармане ее куртки позвякивала целая пригоршня четвертаков.

На «Морской звезде» трубку взял главный стюард. Глэдис узнала его по английскому акценту. Поздоровавшись, она попросила позвать Пола.

Пол подошел почти мгновенно. Судя по голосу, он был очень рад ее звонку.

– Привет, Глэдис, как дела? – спросил он жизнерадостно. – Ты где?

Глэдис огляделась по сторонам и засмеялась.

– В будке телефона-автомата на бензозаправочной станции в десяти милях от Нью-Йорка, – сказала она. – Я отвезла моему агенту пленки и вот решила позвонить. У нас идет снег, – добавила она, увидев, что в воздухе закружились крупные белые хлопья.

– Как там мой друг Сэм?

– Неплохо. По-моему, дети вообще не заметили, что я куда-то уезжала, – ответила Глэдис и замолчала.

Когда ее отец отправлялся на съемки, она всегда отчаянно скучала. Впрочем, Глэдис оставалась с матерью одна, в то время как каждый из ее детей мог рассчитывать на компанию братьев и сестер. Кроме того, ее дети выросли в нормальной, спокойной обстановке, которую Глэдис создавала для них на протяжении всех четырнадцати лет.

– А... а все остальное как? – после недолгого колебания поинтересовался Пол, и Глэдис вздохнула.

– Без изменений. Дуг со мной почти не разговаривает. Когда я вернулась, он сказал, что я – эгоистка, которая совсем не думает о детях и разрушает семью своим неслыханным поведением. В общем, старая песня...

– Понятно. – Пол еще немного помолчал. – Надеюсь, фотографии удались?

– Я их еще не видела, – объяснила Глэдис. – Крупные журналы и агентства сами проявляют пленки, сами ретушируют и печатают фотографии. Я увижу их только тогда, когда все будет готово.

– А когда, как ты думаешь, их опубликуют?

– Фотографии со свадьбы должны появиться через несколько дней. Что касается репортажа о детской проституции, то Рауль собирается продать их международному синдикату прессы. Это займет несколько больше времени, но зато мой репортаж появится не только в американских, но и в европейских газетах. – Она переступила с ноги на ногу и поплотнее закрыла дверцу кабины, в которую немилосердно дуло. – А ты как?

– У меня все отлично. Никак не мог дождаться твоего звонка и уже начал волноваться...

Пол действительно воображал себе счастливое примирение между ней и мужем и был теперь очень удивлен, обнаружив, насколько сильно, оказывается, его это затронуло.

– У меня было очень много дел, – уклончиво ответила Глэдис. Оба прекрасно понимали, что им больше не удастся перезваниваться по несколько раз на дню. – Вчера я крутилась как белка в колесе – разбирала детские вещи и приводила в порядок дом. Сегодня с утра возила Сэма на футбол, а вечером мы с детьми собираемся в кино.

– Понятно... – протянул Пол. Он сразу догадался, что большую часть этих «важных» дел Глэдис придумала себе сама, чтобы укрыться от враждебного молчания Дугласа.

– Ты сейчас где? – поинтересовалась Глэдис, которой хотелось переменить тему. – Наверное, уже в Венеции?

– Нет. Я решил по дороге завернуть на Корсику, чтобы пополнить запас продуктов. Мы, конечно, не голодаем, просто пора менять турецкую кухню на итальянскую. В Венецию отправляемся завтра.

– Хотелось бы мне быть с тобой, – проговорила Глэдис и, спохватившись, что сказала лишнее, поспешила уточнить: – Уж больно здесь холодно...

Она действительно продрогла. Руки ее едва не примерзали к трубке, однако Глэдис почти не замечала этого – настолько приятно ей было разговаривать с Полом.

– Послушай, ты не простудишься? – заволокнулся Пол, хотя он прекрасно понял, что имела в виду Глэдис. И ему тоже хотелось, чтобы она была рядом. Тогда они могли бы без помех говорить друг с другом, сидеть на палубе или стоять на мостике, пить настоящий турецкий кофе, играть в кости и слушать музыку. О чем-то подобном оба мечтали довольно часто, но всегда втайне друг от друга, ибо были у этих фантазий границы, за которые ни Глэдис, ни Пол пока не осмеливались заходить даже в мыслях. – Я тоже хотел бы, чтобы ты была здесь, – вдруг произнес Пол неожиданно охрипшим голосом.

На этот раз пришел черед Глэдис притвориться, будто то, что она услышала, – совершенно в порядке вещей и в этом нет ничего особенного.

– Почему у тебя такой голос? – спросила она наконец. – Ты опять плохо спишь?

Этот вопрос она задавала ему довольно часто. С тех пор как погибла Селина, Пол спал очень мало и плохо. Бывало, он часами лежал без сна, и справиться с «комплексом выжившего» ему не помогали ни лекарства, ни работа, ни алкоголь.

– Да нет, я сплю нормально... Более или менее.

– Снова кошмары, Пол?

– Вроде того.

– Попробуй выпивать на ночь стакан теплого молока с медом.

– Вряд ли мне это поможет. Я бы предпочел барбамил, но он, к несчастью, весь вышел...

– Вот как? – Глэдис насторожилась. Ей-то казалось, что в последнее время Пол чувствует себя лучше, а он, оказывается, просто сидел на таблетках. – Знаешь, по-моему, тебе не стоит злоупотреблять снотворным, – сказала она решительно. – Попробуй теплое молоко, как я тебе сказала, и горячую ванну с травами...

– Слушаюсь, мэм, – отозвался он шутливо и тут же спохватился: – Глэдис, а тебе точно не холодно? Это я могу разговаривать с тобой сколько угодно, потому что у нас сейчас плюс двадцать по Цельсию, а ты в этой будке можешь легко превратиться в сосульку. Что я тогда буду делать?

– Сосульку положено сосать, – отозвалась Глэдис.

Его голос звучал так тепло и так... сексуально, что она совершенно забылась.

– Я обожал делать это, когда был мальчишкой, – рассмеялся Пол. – И все-таки, Глэдис, мерзнуть не стоит. Ты обещала беречь себя.

– Стоит, – решительно сказала она. Гораздо больше, чем холодный ветер, забиравшийся под куртку и под свитер, ее беспокоило то, что ей приходится скрывать эти звонки от Дугласа. Она не делает ничего недостойного, так почему же она должна прятаться? И все же ради того, чтобы поговорить с Полом, она готова была пойти и на это. – Кстати, о сосульках и прочих погодных явлениях, – сказала она. – Через месяц будет Рождество, а я даже не начинала к нему готовиться. Как ты собираешься его встречать?

Тут Глэдис прикусила язык и мысленно обругала себя дурой. Ей следовало помнить, что в этом году Рождество будет для Пола настоящей мукой.

– Пока не решил, – ответил Пол совершенно спокойно. – А ты? Наверное, вместе с детьми? Кстати, Сэм все еще верит в Санта-Клауса?

– Не особенно, но на всякий случай он старается этого не показывать, чтобы ненароком не остаться без подарков.

Они оба рассмеялись, а в следующую минуту в трубке раздался голос телефонистки, которая предупредила Глэдис, что если она не произведет доплату, то через минуту их прервут.

– Извини, Пол, у меня больше не осталось четвертаков, – заторопилась Глэдис. – Когда мне можно позвонить тебе в следующий раз?

– Когда хочешь. А я постараюсь позвонить тебе в понедельник, – сказал он. – И еще, Глэдис...

Глэдис показалось, что он хотел сказать ей что-то очень важное, и сердце у нее на мгновение замерло. Обычно она инстинктивно отшатывалась от всего, что выходило за рамки дружеской беседы, но сегодня Глэдис отчего-то чувствовала себя особенно храброй.

– Что? – затаив дыхание, спросила она.

– Не вешай нос – вот что, – сказал он ласково, и Глэдис улыбнулась, хотя глубоко внутри она чувствовала себя разочарованной. И на этот раз они не решились перешагнуть заветную черту, предпочтя синицу в руках журавлю в небе.

Глэдис вздохнула. Она – замужняя женщина, мать четырех детей – тайком звонила через океан совершенно постороннему мужчине просто для того, чтобы узнать, как ему спится по ночам, и все потому, что собственному мужу было на нее совершенно наплевать. Иногда она

чувствовала себя вдовой, но иногда – как, например, сейчас – ей казалось, что у нее два мужа. Впрочем, ни с одним из них у нее не было отношений, которые можно было бы назвать нормальными.

– Ладно, Пол, до свидания, – сказала она, и вместе со словами изо рта ее вырвалось облачко пара.

– До свидания, Глэдис. И спасибо, что позвонила.

На несколько мгновений и Глэдис, и Пол неподвижно замерли в разных точках земного шара. Их разделяли огромные пространства, но они думали друг о друге. Пол мысленно умолял Глэдис не останавливаться на полдороге и двигаться дальше, а она ужасалась тому, как далеко зашла! Когда же они наконец опомнились, оба чувствовали себя одинаково растерянными и счастливыми.

Глэдис вернулась домой в Уэстпорт. Дети уже ждали ее, споря между собой о том, какой фильм они пойдут смотреть. Дуг работал с какими-то бумагами и даже не спросил Глэдис, где она была столько времени.

Садясь рядом с ним за стол, чтобы наскоро перекусить перед походом в кино, Глэдис почувствовала себя виноватой. Она снова и снова спрашивала себя, как бы ей понравилось, если бы Дуг звонил каким-то женщинам из платных телефонов-автоматов.

В кино Дуг отправился вместе с ними, хотя с Глэдис он по-прежнему почти не разговаривал. В многозальном кинотеатре, где демонстрировалось девять разных фильмов одновременно, он с мальчиками выбрал умеренно жесткий боевик, а Глэдис с девочками решили посмотреть последний фильм с участием Джулии Робертс. Домой они возвращались в хорошем настроении, и Глэдис подумала, что уик-энд прошел вполне сносно, хотя напряженность в отношениях между ней и Дугом несколько не ослабела. И ей оставалось только молиться, чтобы не было хуже, иначе каждые выходные превратились бы для нее в ад.

Тут Глэдис украдкой вздохнула. Считать удачными дни, когда муж не орет на тебя, не обзывает самовлюбленной эгоисткой и не грозит уйти, ей было не по душе, но такова уж была ее теперешняя жизнь. И единственной отдушиной, единственным глотком свежего воздуха в этом унылом и безысходном существовании были для нее звонки Пола, которых она ждала, сгорая от нетерпения.

Пол, как и обещал, позвонил в понедельник, когда дети были в школе, а Дуг – на работе. Глэдис подробно рассказала ему сначала об их вчерашнем походе в кино, а потом – об утреннем звонке Рауля. Агент специально позвонил ей, чтобы сказать, что фотографии со свадьбы королевских особ получились превосходно и самые роскошные журналы уже осаждают его с выгоднейшими предложениями. Потом она опять спросила, как ему спалось, и Пол ответил, что последовал ее совету насчет горячего молока и впервые за много дней спал довольно сносно.

Они говорили еще о многом. Пол упомянул, что в ближайшие дни должен выйти из печати последний роман Селины. Это была та самая книга, для которой Глэдис делала фотографии. Для Пола это была не самая веселая новость – он снова начал думать о Селине так, словно она была жива, и порой его рука сама тянулась к спутниковому телефону, чтобы набрать знакомый номер, который, увы, молчал уже больше четырех месяцев.

Выслушав Пола, Глэдис, как могла, утешила его и подумала: «Как странно: Пол и дети – вот вокруг чего вращается теперь моя жизнь».

Впрочем, с Дугом она старалась обращаться как можно мягче. Он так и не простил ей ее поездки в Лондон. Между ними выросла стена – незримая, но вполне осязаемая, – в которую каждый день ложился новый камень. И хотя Глэдис и Дуг по-прежнему спали в одной постели, они уже давно были не мужем и женой, а чем-то вроде соседей по комнате, причем каждый с трудом мирился с присутствием другого.

Несмотря на это, Глэдис все еще надеялась спасти их брак. Если бы Дуг потребовал от нее каких-то уступок, она с радостью пошла бы ему навстречу – разумеется, при условии, что его требования не превысили бы пределов разумного.

Впрочем, ее взгляды на то, что разумно, а что нет, существенно изменились. Например, она не собиралась впредь отказываться от всех заданий подряд, однако в глубине души надеялась, что Рауль не потревожит ее до января. Это, по крайней мере, обеспечило бы ей и детям более или менее приличные рождественские праздники.

Но ее надеждам не суждено было сбыться. Однажды вечером, когда до Рождества оставалось чуть больше полутора недель, Дуг ворвался в дом словно ураган.

– Поднимись-ка в спальню! – бросил он ей и почти бегом бросился вверх по лестнице.

Глэдис, недоумевая, пошла за ним. Она понятия не имела, что могло привести мужа в такую ярость.

В спальне Дуг открыл свой кейс и, выхватив оттуда какой-то журнал, бросил его на пол перед Глэдис.

– Ты солгала мне! – в ярости выкрикнул он, но Глэдис по-прежнему ничего не понимала. В первую минуту ей показалось, что Дуг каким-то образом узнал об их разговорах с Полом. – Ты сказала, что едешь в Лондон, чтобы фотографировать королевскую свадьбу! – продолжал тем временем Дуг, жестом обвинителя указывая на журнал, распластавшийся по полу, словно раненая птица.

– Но я действительно снимала в Лондоне свадьбу, – ответила Глэдис, невольно вздрогнув от страха: Дугласа буквально трясло от бешенства. – Ведь я же показывала тебе снимки!

Ее репортаж появился в журналах неделю назад, но Дуг отказался смотреть фотографии, которые Глэдис с гордостью демонстрировала ему и детям.

– А это тогда что такое? – взревел он, наклоняясь и хватая журнал.

Он сделал это так резко, что Глэдис отпрянула. Ей показалось, что сейчас Дуг ударит ее журналом по лицу.

В следующую секунду она наконец поняла, в чем дело. Должно быть, «выстрелил» ее второй репортаж.

– Дай... – Глэдис протянула руку и, взяв журнал, стала его просматривать. – Да, пока я была в Лондоне, я действительно сделала еще один репортаж, – сказала она спокойно, но руки у нее дрожали.

Фотографии появились в прессе раньше, чем она ожидала. Глэдис рассчитывала, что они будут опубликованы только в январе, и собиралась как-нибудь подготовить Дугласа, но подходящего момента так и не представилось. И вот теперь Дуг был вне себя.

– Это же черт знает что! – рявкнул он. – Ты что, не могла выбрать тему поприличнее? Худшей грязи я в жизни не видел! Самая настоящая порнография! Ты не только снимала этих маленьких шлюх, но и не постыдилась поставить под фотографиями свою фамилию... нашу фамилию! Это просто отвратительно, Глэдис! Я от тебя такого не ожидал.

– Это не отвратительно, Дуг. Это было просто... ужасно. Неужели ты не видишь, что это никакая не порнография, а рассказ о несчастных детях, которых заставили заниматься проституцией и с которыми обращались просто бесчеловечно? Я понимаю, что ты возмущен, но ведь я именно этого и добивалась. Мне хотелось, чтобы люди, увидев эти снимки, ощутили гнев. В этом смысл моей работы.

В самом деле, реакция Дугласа свидетельствовала о том, что Глэдис превосходно справилась со своей задачей, только он возмущался не тем, что негодяи торгуют детьми, а почему-то ею.

– По-моему, – презрительно бросил Дуг, – ты просто спятила. Чтобы снимать такое, нужно быть... извращенцем. И если на меня тебе наплевать, то как же дети? Что они подумают, когда узнают, что ты делаешь такие репортажи? Они со стыда сгорят, что у них такая мать!

В ответ Глэдис только недоуменно пожала плечами. Подобной ограниченности, узости взглядов, обыкновенного ханжества наконец, она от Дуга не ожидала.

– Надеюсь, что нет, – сказала она негромко. – В отличие от тебя они поймут, что я хотела помочь этим несчастным детям и сделать все, чтобы подобное не могло повториться в будущем. Это и есть настоящая работа – это, а не свадьбы и выставки кошек и собак.

– Ты просто больная, Глэдис. Меня от тебя тошнит, – заявил Дуг.

– А меня начинает тошнить от нашего брака, – холодно заявила Глэдис. – Я не понимаю, почему ты так странно реагируешь.

– Все очень просто. Ты обманула меня! – запальчиво воскликнул он. – Ты прекрасно знала, что я никогда не позволил бы тебе заниматься подобной мерзостью, – вот почему ты сказала мне только о свадьбе. Хороша свадьба... кошки со свиньей!

– Дуг, ради всего святого, прозрей же наконец! Мир полон грязи, ужасов, трагедий. Если мы будем только отворачиваться, то уже завтра любые мерзавцы могут причинить вред мне, тебе, нашим детям. Неужели ты этого не понимаешь?

– Я понимаю только одно: ты солгала мне, чтобы фотографировать отвратительных стариков и развращенных малолетних шлюх, которые даже не потрудились прикрыться, когда ты их снимала. Что ж, если это тебе так нравится, пожалуйста... Можешь фотографировать оргии, можешь сама в них участвовать, только не рассчитывай, что я это буду терпеть. С меня достаточно, Глэдис! Такая жена мне не нужна!

Глэдис трудно было поверить в то, что он только что сказал. Дуг не похвалил ее, не сказал, что гордится ее талантом, он даже не понял, чего она хотела добиться. Но если Дуг пришел в такую ярость, значит, ее фотографии действительно обладали способностью воздействовать на людей.

– Ну что ж, – произнесла она. – Я надеялась, что со временем ты успокоишься и, может быть, даже «простишь» мне, что я осмелилась мечтать о чем-то еще, кроме ежедневной готовки и уборки. Но сейчас мне кажется, что конца этому не будет. Тебя, видно, очень задевает то, что я – такой же человек, как ты.

Дуг раздраженно пожал плечами.

– В последнее время ты стала сама на себя не похожа, Глэдис. Ты – не та женщина, на которой я женился!

– Я та же самая, Дуг. Вернее, я снова стала собой... На протяжении семнадцати лет я старалась измениться, старалась быть такой, какой ты хотел меня видеть, но теперь я больше не могу. Сложись все немного иначе, и я, наверное, смогла бы и иметь семью, и работать. Тогда между нами не было бы никаких обид, никаких недоразумений, но ты сам помешал этому! Ты хотел только одного – убить во мне фотографа и журналистку, превратить меня в гибрид беби-ситтер и пылесоса. А меня это не устраивает, Дуг. Извини.

– Но ты – моя жена, и это накладывает на тебя определенные обязанности! – воскликнул Дуг. – Ты должна...

– Я ничего тебе не должна. Во всяком случае, не больше, чем ты мне, – перебила его Глэдис. После всего, что он ей наговорил, она действительно не чувствовала себя связанной какими-либо обязательствами. – По-моему, нормальный брак – это когда супруги вместе воспитывают детей и стараются сделать друг друга счастливыми. У нас, к сожалению, ничего не вышло. Я знаю: ты много работаешь, чтобы обеспечить нас материально, но почему ты вообразил, будто можешь решать за меня, что мне нужно, а что нет? У меня могут быть свои желания! Или я не права?

– Ну, с меня хватит! – вспыхнул Дуг. Он не особенно прислушивался к тому, что она говорила. С его точки зрения, Глэдис просто сошла с ума. – Не желаю больше слушать эту чушь! Я ухожу!

С этими словами Дуг ринулся в кладовку, достал оттуда небольшой чемодан и, швырнув его на кровать, принялся собирать вещи. Он просто запускать руки в ящики и не глядя бросал в чемодан рубашки, галстуки, носки и нижнее белье.

– Ты... хочешь со мной развестись? – спросила Глэдис, с тревогой наблюдавшая за мужем. Канун Рождества был для этого не самым подходящим временем. Впрочем, какое время могло быть подходящим?

– Не знаю, – не глядя на нее, ответил Дуг и захлопнул чемодан. – Я буду жить в Нью-Йорке, в каком-нибудь отеле – там, по крайней мере, мне не придется каждый день выяснять с тобой отношения и выслушивать, как я погубил твою карьеру. Хотел бы я знать, зачем ты вообще выходила за меня замуж?

Услышав эти слова, Глэдис вздрогнула, как от удара хлыстом. Она посвятила ему семнадцать лет жизни, а теперь он спрашивал, зачем она стала его женой. Она вдруг почувствовала дурноту и головокружение. Этот человек желал только одного – сделать ее своей бессловесной тенью.

Она слышала, как Дуг шел вниз по лестнице, потом гулко хлопнула входная дверь. Выглянув в окно, Глэдис увидела красные огни его машины, в последний раз мелькнувшие в конце улицы. Глэдис несколько раз моргнула и поняла, что плачет. Крупные слезы катились по щекам, повисали на подбородке и слегка пощипывали кожу, и Глэдис смахнула их рукой. Отойдя от окна, она подобрала с пола журнал и тяжело опустилась в кресло. Машинально перелистывая страницы, она снова убедилась в том, что великолепно справилась с заданием. Пожалуй, это была одна из лучших ее работ.

Материал был очень жестким. И, переворачивая страницу за страницей и вглядываясь в измученные лица, Глэдис думала только о том, что сумела сделать этот репортаж так, как надо. Эти дети спасены, а может быть, не только эти.

Всю ночь она ворочалась с боку на бок, думая о Дугласе. Он даже не позвонил ей и не сообщил, в каком отеле остановился, и для Глэдис это было еще одним доказательством того, что разделявшая их стена стала еще выше и непреодолимее.

В три часа ночи Глэдис встала, чтобы попить воды. Взгляд ее упал на часы – в Венеции должно быть девять утра. Рука ее сама потянулась к телефону и, не отдавая себе отчета в том, зачем она это делает, Глэдис набрала номер Пола. К счастью, он сам взял трубку. Услышав его живой, бодрый баритон, Глэдис с облегчением вздохнула.

– Это ты, Пол?

– Да, конечно. – Он рассмеялся, но сразу же оборвал свой смех. – Как дела, Глэдис? Что-нибудь случилось? – спросил он с тревогой, сообразив, что в это время Глэдис должна спокойно спать рядом с мужем.

– Да нет, ничего особенного, – сказала Глэдис и заплакала. Она вовсе не хотела жаловаться ему на Дуга, но с кем же ей еще поговорить? Сейчас она как никогда нуждалась в надежном плече, к которому можно было бы припасть и выплакаться всласть. Даже Мэйбл вряд ли для этого годилась, к тому же в этот час она скорее всего спала. – Дуг нас бросил, – добавила она, подавив рыдание. – Теперь он будет жить в отеле...

– Что произошло?

– Опубликовали мой лондонский репортаж, – пояснила Глэдис. – Я думаю, это одна из лучших моих вещей, но... Дуг сказал, что это отвратительно. Он считает, что я извращенка и что это не репортаж, а порнография. И еще он разозлился из-за того, что я не сказала ему об этом задании. Я действительно не говорила ему, но... – Она вздохнула. – Если бы Дуг знал, он лег бы на пороге, но никуда бы меня не отпустил. И все-таки материал получился по-настоящему сенсационным, и это – самое главное!

– Я сейчас же сойду на берег и куплю журнал с твоим репортажем, – пообещал Пол. – Мне очень хочется его увидеть... – Он немного помолчал, потом спросил совсем другим голосом: – И что ты собираешься делать?

– Не знаю... – Глэдис беспомощно пожала плечами. – Наверное, ждать. Одному богу известно, что Дуг будет делать дальше. Я даже ничего не могу сказать детям – не хочется их расстраивать. Может быть, Дуг еще вернется... Ну а если нет, то они все равно узнают. – Глэдис снова начала плакать. – Ну почему, – всхлипывала она, – почему он так с нами поступил? И почему именно сейчас? Ведь до Рождества осталось всего десять дней. Дуг испортил детям весь праздник!

– Почему?! Да потому, что он обыкновенный сукин сын! – сказал Пол. – Он изводил и мучил тебя все эти пять месяцев, то есть с того самого дня, как мы с тобой познакомились. Я не знаю, как вы жили раньше, но готов побиться об заклад, что ваш брак продержался столько времени только потому, что ты постоянно шла на уступки. Судя по тому, что ты мне рассказывала, в последнее время он вел себя как обыкновенный кусок дерьма. Он шантажировал тебя твоими же собственными детьми, он обвинял тебя в эгоизме и бог знает в чем еще... А это его нелепое требование отказаться от нормальной, человеческой жизни, на которую у тебя есть все права, и посвятить всю себя «заботам о детях и муже»? Одного этого вполне достаточно, чтобы ты ушла от него сама. Жаль, что ты этого не сделала, Глэдис, быть может, это немного бы его отрезвило!..

– Ты... ты считаешь? – робко спросила Глэдис.

Пол был в такой ярости, что она даже слегка растерялась.

– Да, я так считаю, – отрезал Пол. – Хотя... хотя на самом деле он не пара тебе! Ты замечательная мать, и я уверен, что ты была этому самодовольному эгоисту примерной женой. А он... Он тебя просто недостойн!

Его голос грохотал в трубке, словно горный обвал, и Глэдис в испуге поежилась, хотя гневные тирады Пола имели к ней косвенное отношение.

– Да-да, Глэдис, недостойн! – повторил Пол. – Признаться откровенно, я устал слушать рассказы о том, как Дуг с тобой обращается! У него нет никакого права третировать тебя! То, что Дуглас ушел, – это, наверное, единственный его нормальный поступок. Быть может, со временем ты тоже это поймешь!

Но Глэдис пока не могла рассуждать так же реалистично и здраво, как он. Поступок Дуга поверг ее в шок. Его лицо, когда он в бешенстве выбежал из спальни, все еще стояло у нее перед глазами.

– Выслушай меня внимательно, – продолжал тем временем Пол. – С тобой все будет в порядке, можешь не беспокоиться. Дуглас ушел, но у тебя остались твоя работа и дети. Дугласу придется поддерживать их, так что нуждаться ты не будешь. Тебе должны заплатить за твои репортажи. Это довольно значительная сумма, к тому же я уверен, что это не последняя твоя работа. Все обойдется, Глэдис. У тебя есть дети, а у них – ты...

Все правильно. Но на протяжении почти двух десятков лет она была накрепко связана с Дугом буквально во всех отношениях. Теперь, когда он ушел, Глэдис чувствовала себя так, словно она лишилась руки или ноги. Нет, пережить разрыв будет не так просто, сколько бы она ни натерпелась.

Глэдис была напугана, растеряна и не знала, что делать, но голос Пола уже начал оказывать на нее свое благотворное воздействие, а еще не остывший гнев помогал ей яснее видеть перспективу. И перспектива эта вовсе не была безрадостной и мрачной.

На мгновение Глэдис даже задумалась – вдруг Пол захочет приехать, чтобы быть с ней? Но эта мысль только сверкнула в ее мозгу, как метеор, и сразу же пропала. Глэдис считала, что не желает этого. Во время частых телефонных разговоров они говорили буквально обо всем, кроме будущего. Оба не решались сделать первый шаг.

– Ты знаешь, где сейчас Дуг? – спросил Пол после того, как Глэдис, выплакавшись, задыхалась ровнее.

– Понятия не имею. Он мне даже не позвонил.

– Позвонит, – уверил ее Пол. – Обязательно позвонит. Кстати, ты не хочешь связаться со своим адвокатом?

– Нет. Пока нет... – В глубине души Глэдис все еще верила, что Дуг одумается и вернется и они сумеют как-нибудь сохранить семью или хотя бы ее видимость.

– Понимаю, – сказал Пол мягко. – Вот что, Глэдис, тебе нужно поспать. Как говорится, утро вечера мудренее.

– У нас уже почти утро, – сказала Глэдис, поглядев за окно.

На будильнике было около четырех, но зимнее небо, затянутое снеговыми облаками, казалось совершенно черным.

– Постарайся все-таки уснуть – ты сразу почувствуешь себя лучше. А когда ты встанешь, я тебе позвоню.

– Спасибо, Пол, – от души сказала Глэдис и почувствовала, что глаза ее снова наполнились слезами. Все-таки уход Дуга сильно на нее подействовал.

– Ничего, все будет в порядке, – ответил Пол.

Несмотря ни на что, он был уверен, что Глэдис прекрасно со всем справится. Он верил в нее даже больше, чем в себя.

Положив трубку, Глэдис еще долго лежала без сна, думая о Поле, о Дуге и обо всем, что случилось с ней в последнее время. И единственный неутешительный вывод, который она сделала, состоял в том, что отныне она будет совершенно одна.

А Пол на мостике своей яхты молча смотрел на неподвижную воду Венецианского залива и думал о Глэдис. Поведение Дуга возмущало его до глубины души. Он жалел только об одном, что не может высказать этого ему в лицо. «Уходи и не смей больше никогда приближаться к ней!» – вот что хотелось ему сказать Дугласу, но вряд ли у него есть на это право.

Примерно через полчаса он приказал спустить на воду моторку и отправился на берег. Пол разыскал в киоске сразу несколько журналов, которые опубликовали репортаж Глэдис. Он купил их все и, остановившись, стал рассматривать снимки. Они были потрясающие по своему воздействию. При одном взгляде на них в душе поднималась волна гнева. И разумеется, никакой порнографии. Этот Дуг – просто идиот. Ему следовало гордиться женой, и если он не понимает, значит, он еще глупее, чем казалось Полу.

Именно с этого Пол и начал свой следующий разговор с Глэдис.

– Отличная работа, Глэдис! – сказал он. – Не видеть этого может только полный кретин. Честное слово, я горжусь тем, что знаком с тобой.

– Тебе правда понравилось? – Глэдис не очень ему поверила, но похвала Пола была ей приятна.

– «Понравилось» не то слово – слишком уж у твоего репортажа тяжелая тема. Но действует он как надо, и снимки отличные. У тебя действительно талант, Глэдис. Возможно, что теперь, когда у тебя у самой есть дети, твой взгляд на мир и на его проблемы стал более глубоким и искренним.

– Спасибо... – Глэдис неуверенно рассмеялась. Она стояла в кухне в одной ночной рубашке и, прижимая плечом трубку, варила кофе. Дуг так и не позвонил, и она терялась в догадках, где он остановился. К счастью, была суббота, и дети еще спали. – Скажи честно, тебе и правда понравилось?

– Я еще никогда не видел ничего столь... обжигающе сильного. Твой репортаж должен действовать как пощечина. Эти детские лица... Я сам едва не заплакал, пока смотрел.

– Я тоже, – призналась Глэдис.

Она всегда старалась оценивать свои работы по возможности объективно. Ошибки признавала, но и ложной скромности не поддавалась. Как профессионал, она видела, что снимки практически безупречны. Тема репортажа отражена в них сильно и выразительно. Правда, Дуг не увидел ничего, кроме голых девочек-подростков. Но в конце концов, Дуг – это не весь мир.

– Удалось поспать? – заботливо поинтересовался Пол.

– Немного, – ответила она. – Заснула около семи, а в восемь уже проснулась.

На этом разговор окончился. Глэдис налила себе кофе и даже положила сахар, но выпить не успела. Телефон снова зазвонил, и, сняв трубку, Глэдис услышала голос Рауля.

– Если за эти фото ты не получишь «Пулитцера», – с ходу заявил он, – мне придется учредить для тебя собственную премию. Это не репортаж, а динамит! Молодчина, Глэдис! Мастерская работа.

– Спасибо, Рауль.

– А что сказал твой муж? – продолжал агент. – Понял он наконец, с кем имеет дело? Он уже сказал тебе, что берет все свои слова назад?

– Дуг ушел от меня.

Последовала долгая пауза, потом Рауль осторожно спросил:

– Ты ведь шутишь, правда?

– Увы, нет. Он ушел от меня после того, как увидел журнал с моим репортажем. Кажется, я тебе уже говорила, что Дуг слов на ветер не бросает. Так вот, вчера вечером он привел свою угрозу в исполнение.

– Вот сукин сын! – воскликнул Рауль. – Он должен тебя на руках носить, а не...

– Очевидно, он считает по-другому.

– Ну, прости, Глэд, я не знал, что так будет. – Рауль никогда не мог понять, почему Дуг столь враждебно относится к работе Глэдис. – Мне действительно очень жаль...

– Как ни странно, мне тоже, – печально ответила Глэдис.

– Может, он еще вернется... Немного остынет и вернется.

– Надеюсь, что так, – сказала Глэдис, хотя на самом деле она уже не знала, хочется ли ей этого.

Допустим, Дуг вернется. Быть может, он даже попросит у нее прощения, но потом все начнется сначала. Кроме того, как же тогда Пол? Он не был ее любовником, но Дуг вряд ли способен был в это поверить. А отказываться от дружбы с Полом ради сомнительного удовольствия жить с мужем под одной крышей Глэдис не собиралась. Но сумеют ли они с Полом справиться со своими личными горестями, чтобы обрести друг друга? Право же, это похоже на пустые мечты. Он, во всяком случае, даже ни разу не намекнул, что допускает нечто подобное, хотя бы и в очень отдаленной перспективе. Изредка Глэдис позволяла себе пофантазировать на эту тему. Но она слишком реалистично смотрела на вещи, чтобы с легкостью обменять свой семнадцатилетний брак на мечту о мужчине, который, кажется, до конца жизни собирался прятаться от мира на своей дурацкой яхте. Глэдис очень дорожила разговорами с Полом, но это не мешало ей ясно понимать: подобные отношения можно назвать настоящей, полноценной дружбой лишь с очень большой натяжкой. О том, что Пол, возможно, увлечется ею, Глэдис даже не задумывалась. Она никогда не верила даже в секс по телефону; любовь же по телефону казалась ей верхом абсурда.

Разговор с Раулем чуть было снова не выбил Глэдис из колеи. Когда она вешала трубку, на ресницах ее дрожали слезы, но тут проснулись дети и, сбежав вниз, потребовали завтрак. Привычные заботы отвлекли Глэдис. Она без запинки солгала, что Дуг поехал в Нью-Йорк на срочную встречу с клиентами, и дети – в особенности Джессика – сделали вид, что поверили ей.

Выходные они кое-как прожили, хотя с каждым часом Глэдис все больше и больше волновалась. Дуг так и не позвонил, и в понедельник утром она не выдержала и сама набрала его рабочий номер.

– Как дела, Дуг? – спросила она, услышав в трубке его голос.

Ну что ж, по крайней мере, он был жив и здоров и вышел на работу, как обычно.

– Если ты хочешь узнать, не передумал ли я, то – нет, – ответил Дуг.

Глэдис вздохнула.

– И как нам теперь быть?

– А я почему знаю? – без тени сочувствия отозвался он.

– Тебе не кажется, что ты поступил непорядочно по отношению к детям? Непорядочно и жестоко. Они так ждали этого Рождества... Может, мы все-таки могли бы на время забыть о нашем... о наших разногласиях и встретить праздники вместе? Наши дела – это наши дела, но дети не должны страдать.

– Хорошо, я подумаю, – проворчал Дуг. – А теперь извини – у меня дела.

Впрочем, перед тем как повесить трубку, Дуг сообщил Глэдис название гостиницы, в которой остановился. Гостиница была не из лучших – Дуг вполне мог позволить себе что-нибудь посolidнее, и Глэдис стало ясно, что он пытается заставить ее почувствовать себя виноватой. Это еще больше разозлило ее, и она не вспоминала о Дуге до среды, когда он позвонил и сказал, что на праздники вернется домой.

«Только на Рождество и только ради детей», – заявил Дуг, и Глэдис поняла, что возвращение блудного отца вряд ли будет мирным.

В последние оставшиеся до Рождества дни она разговаривала с Полом каждый день.

Чаще он звонил ей, но несколько раз, когда ей особенно нужна была моральная поддержка, Глэдис звонила ему сама. Но в пятницу вечером, ровно через неделю после своего ухода, вернулся «из командировки» Дуг, и это все усложнило. Пол больше не мог звонить Глэдис, и ей приходилось под разными предлогами выходить из дома и разыскивать платный таксофон, чтобы поговорить с ним хотя бы несколько минут.

В понедельник был канун Рождества, и Глэдис позвонила Полу из будки возле бакалейной лавки, куда она в срочном порядке отправилась за изюмом и кардамоном.

– Нам обоим нелегко, не так ли? – грустно сказал Пол, услышав в трубке ее голос. В последние дни на душе у него было невыносимо тяжело. Даже Венеция с ее каналами перестала его радовать. Целыми днями Пол сидел на палубе и перебирал в памяти дорогие его сердцу дни и часы, которые он провел с Селиной. – Я все никак не могу поверить, что ее нет, – добавил Пол. – Странно, правда?

– Странно, – эхом отозвалась Глэдис.

Она никак не могла взять в толк, почему люди так часто поступают наперекор здравому смыслу, своими руками превращая собственную жизнь в кошмар. К Полу это не относилось – он был несколько не виноват в том, что Селина погибла, но вот все ли она сама сделала, чтобы спасти семью?

– Какие у тебя планы на... выходные? – спросила она. Назвать предстоящую рождественскую неделю праздниками у нее просто не повернулся язык. Ей ужасно хотелось сделать что-нибудь для Пола. Накануне вечером Глэдис написала Полу небольшое веселое стихотворение. Утром она отправила его по факсу, и Пол сказал, что оно ему очень понравилось, но Глэдис понимала, что никакие стихи здесь не помогут. – Ты не хочешь сходить в церковь?

Венеция была для этого самым подходящим местом. Величавое убранство и тишина ита-льянских соборов должны были хоть немного успокоить его взвинченные нервы. Впрочем, Глэдис приходилось слышать и такое мнение, будто католические соборы подавляют человека, заставляя его чувствовать себя ничтожнейшей из земных тварей.

– Я бы сходил, но есть одна проблема... – невесело ответил Пол. – Я не верю в бога, а бог не верит в меня, так что обращаться к нему, наверное, нет никакого смысла.

– Я же не предлагаю тебе молиться, – возразила Глэдис. – Считай это... экскурсией, кото-рая тебя развлечет.

– Скорее разозлит, – упорствовал Пол. Он явно считал, что, если бы бог существовал, он бы ни за что не допустил гибели Селины. Поняв это, Глэдис надолго замолчала. Она не знала, что еще сказать, а спорить с ним о религии ей не хотелось. К счастью, Пол первым нарушил молчание: – А ты сама собираешься в церковь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.